

Научная статья

УДК 821.054.7.0

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-294-317

**Харбинский поэт Василий Логинов
и его «масленичные» стихи**

Игорь Евгеньевич Лоцилов

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Аннотация

Статья посвящена забытому харбинскому русскому поэту Василию Степановичу Логинову (1891–1945/1946?). Обстоятельства его биографии систематизированы и дополнены архивными материалами. Показаны роль Василия Логинова в литературной жизни русского Харбина и его участие в литературных кружках «Чураевка» и «Молодая Чураевка». В статье поставлено под сомнение якобы определяющее поэтику Логинова влияние поэзии Валерия Брюсова. В качестве художественной доминанты предложены комика и юмор, восходящие к поэтике журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Подробно рассматриваются стихи Логинова, посвященные празднику Масленицы. В отличие от советской печати, эмигрантские русские издания поддерживали календарные традиции дореволюционной периодики. Анализ журнального цикла стихотворений, который при издании в книге был немного дополнен и превращен в поэму, показывает автора носителем тонкой поэтической культуры. В масленичных стихах Василия Логинова слышны отголоски русской классической литературы, поэзии эпохи символизма, советских поэтов, а также поэтов – товарищей автора по дальневосточной эмиграции.

© Лоцилов И. Е., 2023

eISSN 2307-1753
Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 294–317
Critique and Semiotics, 2023, no. 1, pp. 294–317

Ключевые слова

Василий Логинов, русский Харбин, эмиграция, русский Китай, календарная поэзия

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Лоцилов И. Е. Харбинский поэт Василий Логинов и его «масленичные» стихи // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 294–317. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-294-317

Harbin Poet Vasily Loginov and His “Maslenitsa” Poems

Igor E. Loshchilov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Abstract

The article is dedicated to the forgotten Harbin Russian poet Vasily Stepanovich Loginov (1891–1945/1946?). The circumstances of his biography are systematized and supplemented by archival materials. The role of Vasily Loginov in the literary life of Russian Harbin and his participation in the literary circles “Churaevka” and “Young Churaevka” are shown. The article calls into question the influence of Valery Bryusov’s poetry that supposedly determines Loginov’s poetics. As an artistic dominant, comedian and humor are proposed, dating back to the poetics of the magazines “Satyricon” and “New Satyricon”. The verses of Loginov dedicated to the Maslenitsa holiday are considered in detail. Unlike the Soviet press, emigre Russian publications maintained the calendar traditions of pre-revolutionary periodicals. An analysis of the magazine cycle of poems, which, when published in a book, was slightly supplemented and turned into a poem, shows the author as a bearer of a fine poetic culture. In Vasily Loginov’s pancake verses, echoes of Russian classical literature, poetry of the era of symbolism, Soviet poets, as well as poets, the author’s comrades in the Far Eastern emigration, are heard.

Keywords

Vasily Loginov, Russian Harbin, emigration, Russian China, calendar poetry

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Loshchilov I. E. Harbin Poet Vasily Loginov and His “Maslenitsa” Poems. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 294–317. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-294-317

В специально приуроченном к масленице выпуске харбинского русского журнала «Рубеж» в 1930 г. были напечатаны три стихотворения («Балаган», «Блины» и «Тройка») Василия Степановича Логинова (1891–1945/1946?) под общим названием «Масленица» [Логинов, 1930, с. 2–3]. Два года спустя, при подготовке поэтической книги, автор придал этим стихотворениям статус частей одноименной поэмы, заключив их в рамку «Вступления» и «Заключения» [Логинов, 1932, с. 26–32]. Таким образом, масленичные стихи Логинова даны нам в двух видах: как цикл стихотворений и как небольшая поэма. Складывающееся при этом читательское впечатление, несмотря на точное совпадение текста в основной части, несколько разнится.

Эти стихи заслуживают пристального рассмотрения в нескольких аспектах. С одной стороны, они показательны для поэтического метода полузабытого, но в свое время хорошо известного в литературных кругах русского Китая поэта, прозаика и журналиста Василия Логинова, характеризуют его как представителя определенной литературной тенденции и носителя достаточно высокой поэтической культуры. С другой – они отражают умонастроение русской эмиграции в Китае, соединяя ностальгическую ноту с ярко выраженной имагологической тенденцией: Россия и Китай приведены здесь в прямое и драматическое взаимодействие, китайский и русский праздничные миры, культуры и традиции России и Китая смотрятся здесь друг в друга, как в зеркало.

Поэт Василий Логинов

Поэт, журналист и прозаик Василий Логинов выпустил при жизни всего две поэтические книги, одну из них – под псевдонимом [Логинов, 1932; Капитан Кук, 1932]. Обе вышли в свет в 1932 г. в Харбине. Много лет спустя, в 1990 г. известный издатель и собиратель эмигрантской литерату-

ры Эммануил Алексеевич Штейн (1934–1999) напечатал в своем издательстве «Антиквариат» («Antiquary», г. Оранж, Коннектикут) сборник стихотворных посвящений Елене Александровне Жемчужной [Логинов, Обухов, 1990], хорошо известной к тому времени в американской академической среде как Елена (Хелен) Якобсон (Helen Lucy Yakobson; 1913–2002). Одним из двух авторов созданных полвека назад мадригалов был Василий Логинов. Однако еще в 1997 г. Штейн резонно писал о них: «Первый из этих двух поэтов забыт почти всеми...» [Штейн, 1997, с. 153]. Одна из немногочисленных публикаций Логинова в России показательным образом озаглавлена фрагментом строки из его стихотворения «Одиночество», где на первый план выдвинут мотив *забвения*: «Мир – огромной *коронай забвения увенчан*» (курсивом выделено название подборки. – *И. Л.*) [Логинов, 2002, с. 105].

Биографическая справка в антологии русских поэтов Китая гласит: «Логинов Василий Степанович (псевдонимы: Капитан Кук, Лингва; 28.6.1891, Екатеринбург – 1945 или 1946, Харбин). Происходил из семьи уральских купцов-золотопромышленников, владельцев крупных лесопромышленных предприятий и сам стал купцом-лесоторговцем (по его собственному выражению, «коммерческими способностями никогда не блистал»). Логинов учился в Петербургском университете на юридическом факультете (1908–1913). Первое выступление в печати в 1908 г. Печатался в газетах “Уральский край” и “Зауральский край”. Во время Гражданской войны жил во Владивостоке. В конце 1919 г. эмигрировал в Японию. В 1923 г. уехал в Харбин. Начал работать в журнале “Новости жизни” и в газете, издававшейся под тем же названием. Позднее работал за комнатку при типографии и за гроши в газете “Гун-бао”. <...> Когда “Гун-бао” закрылась, Логинов впал в крайнюю бедность, “ходил в жутком тряпье, грязным оборванцем” (В. Перелешин). В начале оккупации Харбина советскими частями Логинова неоднократно вызывали на допросы. В последние месяцы жизни работал на железнодорожном топливном складе сторожем. Умер в харбинской больнице» [Русская поэзия Китая, 2001, с. 682–683] (см. также: [Штейн, 1997, с. 187–188]; о его предках и семье: [Голдин, 2007, с. 138–139]).

Позволим себе дополнить биографическую справку о забытом поэте сведениями из архивного фонда Петроградского университета.

Василий Логинов (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56640. Л. 2)
Vasily Loginov (Central State Historical Archive of St. Petersburg.
Fund 14, inventory 3, dossier 56640, page 2)

Василий родился 28 июня 1891 г., крещен 5 июля 1891 г. в церкви Михаила Архангела и Николая Чудотворца при Тюремном замке в Екатеринбурге. Родители: Стефан Василиев <так в документе> Логинов, екате-

ринбургский купеческий сын, и его жена Анна Пименова <так>. Оба православного вероисповедания. Восприемники: Василий Иоаннов <так> Логинов, екатеринбургский купец, и Параскева Василиева <так> Ворожцова, жена слободского купеческого сына Вятской губернии. Крещение совершил священник Василий Топорков с диаконом Иоанном Кожевниковым.

11 августа 1901 г. Василий Логинов поступил в Алексеевское Екатеринбургское реальное училище. 1 июня 1907 г. окончил полный курс наук по основному отделению училища, о чем получил аттестат. С 12 августа 1907 г. по 4 июня 1908 г. обучался в дополнительном классе Алексеевского Екатеринбургского реального училища, окончил полный курс, о чем получил свидетельство.

С 1 сентября 1908 г. по 10 мая 1910 г. В. С. Логинов являлся студентом экономического отделения Петербургского политехнического института. Отчислен из института по собственному желанию.

31 мая 1910 г. получил свидетельство Петербургского учебного округа о сдаче на оценку «удовлетворительно» экзамена по латинскому языку по курсу восьми классов мужской гимназии.

25 июня 1910 г. получил свидетельство екатеринбургского купеческого старосты в том, что состоит записанным при капитале своего отца, екатеринбургского купца 2-й гильдии Степана Васильевича Логинова.

3 июля 1910 г. В. С. Логинов подал прошение на имя ректора Петербургского университета о принятии его в число студентов 1-го курса юридического факультета. На прошении указан адрес проживания: Екатеринбург, спичечная фабрика Акционерного общества «В. Логинов». 11 августа 1910 г. зачислен в студенты. 9 июня 1914 г. получил свидетельство о прослушивании полного курса наук в Петербургском университете. В июле 1914 г. В. С. Логинов проживал по адресу: Пермская губерния, Екатеринбург, Спичечная фабрика¹.

В Харбине Логинов принимал участие в собраниях поэтов «Молодой Чураевки», но, как и Михаил Васильевич Щербаков (1890–1956), воспринимался харбинской поэтической молодежью как старший – и по возрасту, и по литературному опыту: «Иногда выступал поэт Василий Логинов, который, особенно нам, молодым, казался Мафусаилом» [Волин, 1997, с. 220]. Поэт и мемуарист Елизавета Николаевна Рачинская (1904–1993) начинает свои воспоминания так: «Хочется вспомнить здесь еще одного

---

¹ Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 56640. Л. 5–8, 11, 13, 45, 45 об., 47, 55, 58.

харбинского поэта и писателя, принадлежавшего к старшему поколению, но все свои зрелые годы проведенного в Харбине. Я говорю о Василии Степановиче Логинове. Сын богатых фабрикантов – он был плохо приспособлен к трудовой эмигрантской жизни, да и по характеру своему мало подходил для систематической будничной работы. Он был настоящий представитель богемы: служить нигде не хотел, да, вероятно, и не мог, жил журналистикой, временами впадая в горчайшую нужду, но философски перенося лишения и неудачи» [Рачинская, 1959, № 16737, с. 2]. Ей вторит Наталия Семеновна Резникова (1911–1994): «К старшему поколению харбинских поэтов принадлежал и Василий Логинов. Припоминаю из его рассказов, что в прошлом он был богат – отец его был московским фабрикантом. Логинов был великолепно образован, много читал, страстно любил литературу и знал ее прекрасно» [Резникова, 1988, с. 390]. А вот как вспоминала о нем Елена Якобсон, она же Елена Жемчужная, адресат посвященный Логинова и Обухова: «Образование он получил очень хорошее, классическое, читал по-латыни и по-древнегречески, но влачил нищенское и какое-то безысходное существование. <...> Иногда я вступала с ним в серьезные беседы о глубинном смысле моих любимых стихов, а русскую поэзию он знал прекрасно» [Якобсон, 2004, с. 81] (оригинал: [Якобсон, 1994, р. 65–66]).

В немногочисленной литературе, посвященной Логинову, сложились два стереотипа. Оба восходят к прижизненной критике и к авторам воспоминаний о «Молодой Чураевке», оба продолжают жить в современных обзорах и справках о поэте.

Согласно первому, «его поэтическое творчество слабее его беллетристики <...> Стихи его очень разные. Это – бытовые зарисовки из прошлого и настоящего, ностальгия по родным местам. <...> Его стихи не опалены горечью и болью, как у Арсения Несмелова или Марианны Колосовой. Он тихо и одиноко тоскует по родным местам и стремится к миру образов прошлого [Хисамутдинов, 2000, с. 74]. «Василий Логинов, автор отличных рассказов об освоении Урала и Сибири, едва ли вообще мог притязать на звание поэта», – писал поэт Валерий Францевич Перелешин (Валерий Салатко-Петрище, в монашестве Герман; 1913–1992) [Перелешин, 1972, с. 5], посвятивший Логинову шесть «онегинских» строф (L–LV) в «Песне седьмой» своей объемной автобиографической «Поэмы без предмета» [Перелешин, 1989, с. 338–340]. Строфа LV завершалась так:

Я с Логиновым не был дружен:
мальчишеское озорство

меня толкало у него
в стихах искать кривых жемчужин.
Теперь молнось издалека
бесцельно – в память старика
[Перелешин, 1989, с. 340].

Авторское примечание к словосочетанию «кривые жемчужины» состоит из одного, взятого в кавычки, слова: «Перлов» [Там же, с. 357]. В относительно недавней статье говорится: «Поэтическое творчество Логинова гораздо слабее, чем его беллетристика. Его стихи говорили о том же, что и рассказы. Человеческая сила, устремленность, бодрость – вот что воспевал поэт Логинов, чаще всего оживляя прошлое России» [Колесов, Дяо Шаохуа, 2001, с. 99–100].

Второй стереотип возводит генезис поэтики Логинова к Валерию Брюсову. Н. Резникова вспоминала: «Стихи его мне казались напряженными, написанными под сильным влиянием Брюсова, которого Василий Степанович очень ценил. О Брюсове, о теории стихосложения Логинов мог говорить часами» [Резникова, 1988, с. 390–391]. Журналистка Евгения Александровна Сентянина (1897–1980), мать Валерия Перелешина, писала в харбинском журнале «Рубеж» о Логинове-поэте: «Он очень ясен и рассудочен. У него идея всегда перевешивает и звуковую, и образную сторону стиха. Он и сам признается, что любит: ... “читать чеканные стихи, / Которые измыслил строгий Брюсов”. И у него тоже стихи рождаются, как Минерва, – из головы. Отсюда их целомудренность, некоторая отрешенность и приподнятость» (Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты (1940), цит. по: [Материалы..., 2012, с. 236–237]). В изданной в 2001 г. антологии русских поэтов Китая говорится: «Сборник стихотворений Логинова “Створа триптиха” <...> показывает поэта брюсовской школы» [Русская поэзия Китая, 2001, с. 683].

Автор этой статьи в недавней публикации позволил себе поставить под сомнение по крайней мере второй из этих стереотипов (первый носит преимущественно оценочный характер) и предложить другую точку зрения на генезис и художественную природу поэзии Василия Логинова [Лощилов, 2021]. Восприятие некоторых странностей словоупотребления в поэзии Логинова как «перлов» и lapsus'ов происходило от непонимания ее эстетической природы, связанной со сферой *колического*.

Знакомство с двумя поэтическими книгами и доступными нам журнальными публикациями Логинова показывает его не столько «брюсовцем», сколько внимательным читателем журналов «Сатирикон» и «Новый

Сатирикон», последователем и учеником сложившегося около них круга блистательных литераторов: Саша Черный, Петр Потемкин, Тэффи, эстетически близкий к ним Николай Агнивцев. Это наблюдение не отменяет техническое ученичество у Брюсова, поэзию и труды по стихосложению которого Логинов, несомненно, хорошо знал – как, впрочем, и других «столпов» символизма (например, на сюжетной периферии рассказа Логинова «О любви и смерти» в качестве литературного персонажа является... сам Александр Блок [Логинов, 1943, с. 145–162]).

О хорошем знании поэтов «Сатирикона» свидетельствует статья Василия Логинова в харбинской газете «Гун-Бао», где он приветствовал возобновление журнала в Париже в 1931 г. [Логинов, 1931б]. В другой статье из той же газеты, «Пасхальная лирика», он вспоминает и показывает журнал именно в календарно-праздничном развороте: «Встревоженный и взбудораженный по праздничному, вскакиваешь ранним пасхальным утром с постели, в славном городе С.-Петербурге на Васильевском славном острове, где-нибудь линии этак на четырнадцатой, совсем близко от пробуждающейся Невы, заглядываешь в золотящееся весной окно и плывешь в медных радостных звуках переливающихся руладами пасхальных колоколов. Затем бросаешься к журналам – к журналам с яркими пасхальными обложками, с красными обложками, ибо красный цвет – пасхальный цвет. Ну, конечно, первым делом сам в руки лезет пасхальный очередной “Сатирикон” с Сашей Черным, с Аверченкой, с Тэффи, с Князевым, с Петром Потемкиным и даже иногда с Александром Блоком, частенько дававшим свои, полные, изящной лирикой стихи в этот образцовый, единственный на всю Россию, юмористический и сатиристический <sic> журнал» [Логинов, 1931а, с. 8]. Статья Логинова о пасхальной поэзии насыщена цитатами из стихотворений Василия Васильевича Князева (1887–1937) и – в особенно больших количествах – Петра Петровича Потемкина (1886–1926).

Поэтическая техника, литературная рефлексия и реминисцентная «память» у Логинова сложнее и оригинальнее, чем у младших поэтов «Молодой Чураевки», не чуждых в рамках студийной работы изучения основ поэтической техники. В воспоминаниях Рачинской прочтем: «У Логинова, как большого любителя поэзии, была одна книга, за которой я много лет безуспешно охотилась, ибо ее невозможно было достать в Харбине. Это “Теория Стихосложения” Шульговского. Логинов хранил ее, как зеницу ока, и, терпя временами горчайшую нужду, ни за что не хотел расстаться с ней. Единственно, чего я могла от него добиться, это обещания, что если он задумает книгу продавать, то первой он предложит ее мне. В один хо-

лодный, зимний вечер, видно, дойдя “до точки”, Василий Степанович принес мне Шульговского, сам назначив за него цену. Книга эта до сих пор у меня, и пролистывая иногда ее страницы, я вспоминаю глуховатый голос Логинова, скандирующий стихи, сумрачный взгляд его маленьких глаз, его невеселую жизнь и одинокую, никем, вероятно, не оплаканную смерть, дату которой я даже не могу назвать (если не ошибаюсь, вскоре после 1950 г.), ибо она прошла почти незамеченной, так были полны те годы всяких других событий и тревог [Рачинская, 1959, № 16738, с. 2]. По воспоминаниям Владимира Александровича Слободчикова (1913–2007), «в студии царил сугубо деловая атмосфера, и поначалу основное внимание уделялось вопросам стихосложения, изучались труды В. Брюсова (“Основы стиховедения”), Б. Томашевского (“Теория литературы”), В. Жирмунского (“Теория стиха” и “Рифма, ее история и теория”), А. Белого (“Символизм”) и практическое руководство Н. Шульговского (“Теория и практика поэтического творчества”). Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов. Хотя предполагалось, что теоретические знания должны быть приобретены всеми студийцами (чего, разумеется, в полной мере не было и не могло быть), главным в работе считалось владение поэтическим мастерством» [Слободчиков, 2005, с. 142]. Вместе с тем функция «отточенности» у Логинова другая: она служит средством иронического остранения.

«Масленица»: цикл и поэма

Логинов подарил Елене Жемчужной свою книгу «Створа триптиха» с дарительной надписью: «Милому моему другу Елене Александровне Жемчужной – суровому мужу науки, будущему приват-доценту, и, вместе с тем, как девушка ощущаемой аспектически-эстетно – эта книга о париках, мушках, кринолинах, камзолах и шпагах; о старом Санкт-Петербурге, о русской широкой масленице², о лесной, плавящей сердце, Весне, о счастье, о просторах, о тяжелой поступи Рима, о всем, что было» [Логинов, Обухов, 1990, с. 39].

Цикл стихотворений «Масленица», как и одноименная поэма, принадлежит календарной литературе эпохи модернизма (см.: [Баран, 1993,

---

² Широкой Масленицей назывались последние четыре дня масленичной недели, начиная с четверга (понедельник, вторник и среда – Узкая Масленица).

с. 284–326; Душечкина, 1995]). Масленичная тема присутствовала в дореволюционной русской периодической печати с достаточной степенью видимости, однако она не могла соперничать со святочной и пасхальной тематикой. По наблюдению Е. В. Душечкиной, «периодика конца века, наряду со святочными материалами, в меньшей степени, но все же достаточно регулярно печатала и материалы, приуроченные к другим календарным (народным и христианским) датам – Крещению, масленице, Троице, Ивану-Купале и пр. Особенно много календарных текстов встречается в юмористических журналах» [Душечкина, 1995, с. 198]. В «Масленичном рубеже» (так читалось название выпуска) за 1930 г. читатель мог, наряду с циклом Логинова, найти рассказ Якова Львовича Дейча (псевдоним – Я. Лович; 1898–1956) «Блины – помеха любви» (с. 1–8), фельетон Ю. Клеменса «Когда человек буйно веселится под маской (Масленичный карнавал в монологах)» (с. 6–7), подписанный псевдонимом «Полишинель» (Алексей Владимирович Петров; ? – 1946? [Пасевич, 2019, с. 43]) рассказ «Трактат о пьяных» (с. 12), масленичные стихотворения «Перед маскарадом» Варвары Николаевны Иевлевой (1900–1960) (с. 1) и «Карнавал» Александры Петровны Паркау (Нилус; 1889–1954) (с. 13). В следующем выпуске (№ 10 [111], 1 марта) есть «отголосок» прошедшего праздника – стихотворение А. Бахчинова «Масленичное катанье. *Лубок*» (с. 6). Редакция «Рубежа» последовательно поддерживала праздничные традиции русской дореволюционной печати и готовила рождественские, масленичные, пасхальные выпуски журнала, тем самым противопоставляя себя советским изданиям. Как отметил в заключение своей работы о праздничной литературе эпохи модернизма Х. Баран, «поскольку в советское время традиция календарной литературы фактически оборвалась, представляется целесообразным изучить под этим углом зрения периодическую печать русской эмиграции» [Баран, 1993, с. 320].

«Масленица» Логинова написана четырехстопным ямбом – простым, но соответствующим ритмическим предпочтениям начала XX в. Текст «Балагана» составляют 11 четверостиший, «Блинов» – 12, «Тройки» – 15. В книжной версии к ним добавлено 12 четверостиший «Вступления» и 5 «Заключений». Три стихотворения в журнале были напечатаны с пробелами между строф, в книге, как и обрамление, – со сдвигом четных вправо.

Рисунки неизвестного художника к «Масленице» Василия Логинова
(Рубеж. 1930. № 9 (110), 22 февр. С. 2–3)

Vasily Loginov. Maslenitsa. Drawings by an unknown artist
(Frontier, 1930, no. 9 (110), February 22, p. 2–3)

Первое стихотворение намечает связь с наиболее вероятным источником формы всего цикла (или поэмы) – стихотворением Александра Александровича Блока «Балаган» (1906) [Блок, 1997, с. 88–89]. Вместе с тем актуализирована компенсаторная функция дореволюционных балаганов: «В городе праздники справлялись “в своем кругу”. Правда, городские власти в какой-то степени пытались компенсировать эти потери устройством народных гуляний, ярмарок, балаганов, святочных и масленичных представлений, масленичных катальных гор и т. п.» [Душечкина, 1995, с. 14]. Характерная для поэтики символизма метафора жизни и судьбы как балагана прямо декларируется в финале стихотворения Логинова:

А после балаганных действий,
Вернувшись в звонкий жизни стан,
Поймешь, что жизнь и все мы вместе –
Все тот же шумный балаган
[Логинов, 1930, с. 2; 1932, с. 28].

В первой же строфе «Балагана» заявлено, что описываемое относится к области *воспоминания-грёзы*:

Как голос сладостный свирели,
Как песни милых детских лет, –
Пригрезились мне карусели,
Петрушка и раешный дед
[Логинов, 1930, с. 3; 1932, с. 26].

Ностальгическая нота поддержана рифмой, вызывающей в памяти читателя строки из ставшего романсом стихотворения Алексея Константиновича Толстого (1817–1875) «Средь шумного бала, случайно...» (1851):

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал
[Толстой, 1984, с. 59].

В самом начале заявлена нота ностальгии по не поддающемуся восстановлению прошлому: поэзия XIX столетия и стихия русского романса. Музыкальные реминисценции еще неоднократно появятся: «Хрипит и воет старый вальс» [Логинов, 1930, с. 2; 1932, с. 27], «музыка Шопена» [Логинов, 1932, с. 32], бурлацкая песня «Вниз по матушке по Волке...» в «Тройке» и в самом конце «Заклучения» («Или залется громкой песней / О Волге матушке-реке» [Логинов, 1930, с. 3; 1932, с. 30]; «Как вниз по матушке по Волге / Лихая тройка вдаль спешит» [Логинов, 1930, с. 3; 1932, с. 32]. К музыкальным приметам утраченного мира примыкают ценностно окрашенные ритмически-звуковые:

Пусть пристяжная скачет бойко,
Гремят на шлеях бубенцы,
Пусть в беспредельность мчится тройка, –
Мерещатся вдали венцы.

И на далекой красной Пасхе
Церковный грянет громко стих, –
И нежные подарит ласки
Невесте радостный жених
[Логинов, 1930, с. 3; 1932, с. 32].

Стихи поэта-эмигранта проецируются на память о едва ли не единственном масленичном стихотворении, вошедшем в канон русской классики, – о «Масленице на чужой стороне» Петра Андреевича Вяземского (1792–1878). Праздничный мир русской масленицы помещен здесь в евро-

пейский контекст: датировка стихотворения – «20 февраля 1853 Дрезден» [Вяземский, 1996, с. 304].

Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?

Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру;
Нет приличного приёма,
И народ не на юру.

Чем твою мы милость встретим?
Как задать здесь пир горой?
Не сумеь им, немцам этим,
Поздороваться с тобой
[Вяземский, 1996, с. 301–302].

Грёза о масленице также настигает лирического героя Логинова «на чужой стороне», – но это мир Китая и китайской праздничной культуры, в области истории и тонкостях традиций которой русская печать Харбина специально просвещала русского читателя (см., например: [Аракин, 1931; Без подписи, 1931]). Первая и третья части, «Балаган» и «Тройка» – стиховоспоминания, грёзы о былом. Единственной реальностью, изображаемой как подлинная, оказывается русская праздничная трапеза в Китае в центральном стихотворении (или части) – «Блины». Среди перечисленных блюд лишь упоминание невозможного в собственно русском контексте *омара* свидетельствует о «чужой стороне». Но оно «оборачивает» пир: омар выглядит не поглощаемым, а поглощающим:

Швейцарский сыр неслышно тает,
Омар рубиновую пасть
Так аппетитно раскрывает,
Как будто пьет и ест он власть
[Логинов, 1930, с. 2; 1932, с. 29].

Возможно, упоминание *омара* намеренно обыгрывает омонимию с именем халифа Омара – разорителя Александрийской библиотеки, упоминаемым в стихотворении Василия Степановича Курочкина «На масленице» (1865):

Омаров уж осталось очень мало,
Аттилы уж несколько не страшны.
Карайте их сатирой Ювенала!
– Нет, господа, давайте есть блины
[Курочкин, 1957, с. 200].

Еще один тонкий штрих вписывает русский масленичный пир в китайскую реальность; правда, он помещен в композиционный центр второго из трех стихотворений (строфы 6–7) и, таким образом, всего цикла:

Садимся... Смолкли разговоры...
Раздался рюмок нежный звон.
И кинули все жадно взоры, –
Откуда должен выйти «он».

«Он» – долгожданный бой китайский,
Несущий пышные блины,
Что нам милей услады райской
И ближе друга и жены
[Логинев, 1930, с. 3; 1932, с. 29].

В версии «Масленицы» как цикла лишь «он» – «бой китайский» – намечает чуждость и чуждость окружающего эмигранта пространства; в поэме русская масленица и китайский Новый год антагонистичны. Противопоставление решено с наглядностью лубка или плаката, и это, кажется, делает поэму о масленице менее «тонкой», чем одноименный цикл:

Я на чужбине, на чужбине.
Цветет китайская земля.
И праздники свои картинней
Являет, дух свой распая.
Китайский Новый Год грохочет
Пальбой и взрывами ракет.
И нашей Масляной не хочет
Дорогу уступить, о нет!
Дракон свирепый, схожий с крабом,
Разинув огненную пасть,
Российскую облапил бабу.
И напился ею всласть. <...>
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни,
И тяжкий скрип арбы китайской
И солнечные в зимах дни.

И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов.
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.
К тебе почтительно взываю:
Впусти отряд блинов в свой стан.
К тебе, пустынь маньчжурских раю,
Приюту беглых россиян.
[Логинов, 1932, с. 26–27].

Среди раскосых желтых ликов
В опийных дымах, в мигах встреч,
С недоумением слышим диким
Японцев вежливую речь.
Китайцев видя утонченность,
Нам чуждую, как вкус трепанг,
Мы вспомним Руси отдаленность,
Как индус вспоминает Ганг.
Нам Масленицы лик широкий,
Грудастой русской бабы лик,
Священнее любви глубокой,
А рюмок звон и пьяный зык
Для нас – как музыка Шопена.
Звнящий в небесах эфир.
Пирам восточным мы на смену
Устроим свой, российский, пир.
И вспоминать мы будем долго,
Следя маньчжурских сопок вид,
Как вниз по матушке по Волге
Лихая тройка вдаль спешит
[Логинов, 1932, с. 31–32].

Среди четырехстопных строчек выделяется одна пятистопная в «Балагане» («Раскрашена, как деревянный бог»): видимо, ее следует считать намеренным приемом – литавридой (однократное инородное вкрапление, по терминологии С. П. Боброва [1965, с. 83; 1966, с. 82–87]):

На грубой сцене – пантомима.
Раскрашена, как деревянный бог,
Она... паяц... и – мчатся мимо
Завязка, действие, эпилог
[Логинов, 1930, с. 2; 1932, с. 28].

Можно предположить, что однократная пятистопная строчка у Логинова («Раскрашена, как деревянный бог») восходит к памяти о крайне нехарактерном для советской печати стихотворении Павла Николаевича Васильева (1910–1937) из газеты «Советская Сибирь», где упоминается масленица:

Старинным праздником блинов,
Известной масленицей пряной,
Здесь перегон не одного
Роняет помертвелым с санок. <...>
Не в меру здесь сердца стучат,
Не в меру здесь и любят люди,
Под тонкой кофтой у девчат
К четырнадцати набухают груди
[Васильев, 1927, с. 3].

Литаврида у Павла Васильева комически-иконична: четырехстопный ямб как бы «набухает» лишней пятой стопой («К четырнадцати набухают груди»). Если это предположение верно, оно может служить дополнительным аргументом в пользу того, что Логинов был профессионально-внимательным читателем сибирской советской прессы (о его знакомстве с поэзией и прозой «Сибирских огней» свидетельствует статья-рецензия «Производственность как поэтический мотив» [Логинов, 1931в, с. 2]).

Показательным для поэтики Логинова образом центральная часть цикла и поэмы, «Блины», проецируется и на память о русской классике (описание пира из большого стихотворения Гаврилы Романовича Державина (1743–1816) «Евгению. Жизнь Званская», 1807), и на специфическую харбинскую литературную память – хорошо известная в русском Китае «Поэма еды» (1928) Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971), коллеги Логинова по работе в газете «Гун-Бао»:

Невинна с зеленью селедка,
Алеет скромно ветчина,
Слезой холодной блещет водка,
Веселья ясного полна. <...>

С янтарной пышной осетриной
Пикантный спор ведет балык,
И с тонкослойной бужениной
Копченый гусь шутить привык.

А в серебре большого блюда,
Где льду хрустальная гора, –
Гурманам явленное чудо, –
Стоит зернистая икра
[Логинов, 1930, с. 3; 1932, с. 28–29].

В поэме Всеволода Иванова:

Редиска, салат, и капуста,
И хрустящая зель огурца.
Усилия не были пусты,
Достигли они их лица
[Иванов, 1928, с. 13].

Ах, море здесь дышит – креветки,
Селедка, краб, килька, омар.
Так в каждой поэта заметке
Сияет пленительный дар
[Там же, с. 11].

Логинов, как и Иванов, пародийно возвышает еду, избегая при этом раблезианского комизма, показательного, например, для масленичного стихотворения одесского поэта Семена Иосифовича Кесельмана (1889–1940) «Поэт, блины и любовь (Масленичная история с моралью)» (1912) [Кесельман, 2013, с. 170–172].

Отмеченные параллели и реминисценции свидетельствуют, кажется, о поэтической культуре и тонкости поэзии Василия Логинова. В реминисцентное поле написанных простым ямбом масленичных стихотворений оказываются втянутыми и русская классика, и современная поэту как харбинская, так и советская литературная словесность.

Список литературы

Аракин Я. Старый китайский Новый год // Гун-Бао (Харбин). 1931. № 1281, 17 февр. С. 2.

Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века: Сборник: Авториз. пер. с англ. М.: Прогресс – Универс, 1993. 368 с.

[*Без подписи*] Сегодня начинается праздник Осени // Гун-Бао (Харбин). 1931. № 1465, 26 сент. С. 2.

Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2: Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). 896 с.

Бобров С. П. Синтагмы, словоразделы и литавриды (понятие о ритме содержательно-эффективном и о естественной ритмизации речи) // Русская литература. 1965. № 4. С. 80–101; 1966. № 1. С. 79–97.

Васильев П. Там, где течет Иртыш // Советская Сибирь (Новосибирск). 1927. № 115 (2256), 22 мая. С. 3.

Волин М. Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 216–240.

Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1986. 544 с.

Голдин В. Н. Ял-мал – загадочная страна. О поэте и прозаике Василии Логинове // Голдин В. Н. Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург: [Б/и], 2007. С. 138–143.

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Изд. отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. 256 с.

Иванов Вс. Поэма еды / Рисунки, заставки и книжные украшения О. Ракова. 4-е изд. Харбин: [Б/и], 1928 (Гун-Бао). 27 с.

Капитан Кук [Логинов В. С.]. Харбин в стихах (Бытовые картинки). Харбин: [Б/и], 1932. 34 с.

Кесельман С. И. Стеклоянные сны: Стихи / Сост., статьи и коммент. С. З. Лушица, О. О. М. Барковской, Е. М. Голубовского, А. Л. Яворской. Одесса: ВМВ, 2013. 236 с.

Колесов А. В., Дяо Шаохуа. Поэты и прозаики Харбина: Русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX века // Рубеж (Владивосток). 2001. № 1. С. 90–101.

Курочкин В. С. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. М.: ГИХЛ, 1957. 715 с.

Логинов В. Масленица [Балаган; Блины; Тройка] // Рубеж (Харбин) [«Масленичный рубеж»]. 1930. № 9 (110), 22 февр. С. 2–3.

Логинов В. Пасхальная лирика // Гун-Бао. 1931а. № 1327, 12 апр. С. 8.

Логинов В. Первый номер «Сатирикона» // Гун-Бао. 1931б. № 1336, 24 апр. С. 2.

Логинов В. Производственность как поэтический мотив // Гун-Бао (Харбин). 1931в. № 1286, 22 февраля. С. 2.

Логинов В. Створа триптиха. Харбин: [Б/и], 1932. 49 с.

Логинов В. Сибирь. Харбин: Наука, [1943]. 171 с.

Логинов В. Короной забвенья увенчан. Публ. и предисл. В. Леонидова // Новая юность. 2002. № 5 (56). С. 105–110.

Логинов В. С., Обухов В. Н. Елене... / Под ред. и с коммент. Эммануила Штейна. Orange: Antiquary, 1990. 46 с. (Серия «Книги русского Китая», № 6)

Лоцилов И. Е. Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3656–3660.

Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики. Сост., подгот. текстов и примеч. Г. В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сб. науч. работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск, 2012. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии. С. 226–266.

Пасевич З. В. Литературная критика на страницах газет «Русского Харбина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 6. С. 42–48.

Перелешин В. Конец Алексея Ачаира // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1972. Т. 62, № 22.825. С. 5.

Перелешин В. Поэма без предмета. Холиок: Нью Ингланд Пабблишинг и К°, 1989. 411 с.

Рачинская Е. Замолкнувшие голоса: О харбинских поэтах // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1959. № 16736, 14 янв. С. 2; № 16737, 15 янв. С. 2 (Продолж.); № 16738, 16 янв. С. 2 (Оконч.).

Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал [The New Review] (Нью-Йорк). 1988. Кн. 172–173. С. 385–394.

Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. Крейд, О. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.

Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.

Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1984. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 640 с.

Хисамутдинов А. А. Логинов (псевдонимы Лингва, Капитан Кук), Василий Степанович (28.VI.1891, Екатеринбург Пермской губернии – до 1946, Харбин) // Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. С. 187–188.

Штейн Э. А. Поэты русского Китая (Иконография) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206. С. 138–180.

Якобсон Е. А. Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка / Пер. с англ. и коммент. Е. Ю. Дорман. М.: Русский путь, 2004 (Красноармейск: НИИ Геодезии). 244 с.

Yakobson H. Crossing borders: From Revolutionary Russia to China to America. Tenaflly: Hermitage Publishers, 1994. 211 p.

References

[Anonymous]. Segodnya nachinaetsya prazdnik Oseni. *Gun-Bao* [*Gong-Bao*] (Harbin), 1931, no. 1465, September 26, p. 2. (in Russ.)

Arakin Ya. Staryi kitaiskii Novyi god. *Gun-Bao* [*Gong-Bao*] (Harbin), 1931, no. 1281, February 17, p. 2. (in Russ.)

Baran Kh. Poetika russkoi literatury nachala XX veka [Poetics of Russian Literature of the Early 20th Century]. Moscow, Progress – Univers, 1993, 368 p. (in Russ.)

Blok A. A. Complete Works and Letters. In 20 vols. Moscow, Nauka, 1997, vol. 2, 896 p. (in Russ.)

Bobrov S. P. Sintagmy, slovorazdely i litavridy (poniatie o ritme sodержatel'no-effektivnom i o estestvennoi ritmizatsii rechi) [Syntagmas, word divisions and timpani (the concept of content-effective rhythm and natural rhythmization of speech)]. *Russkaya literatura*, 1965, no. 4, pp. 80–101; 1966, no 1, pp. 79–97. (in Russ.)

Dushechkina E. V. Russkii svyatochnyi rasskaz: Stanovlenie zhanra [Russian Christmas Story: The Formation of the Genre]. St. Petersburg, Izdatel'skii otdel Iazykovogo tsentra SPbGU, 1995, 256 p. (in Russ.)

Goldin V. N. Ial-mal – zagadochnaya strana. O poete i prozaike Vasili Loginove [Yal-Mal is a Mysterious Country. About the Poet and Prose Writer Vasily Loginov]. In: Goldin V. N. Zabytye poezii i literatury Urala [Forgotten poetry and writers of the Urals]. Ekaterinburg, 2007, pp. 138–143. (in Russ.)

Ivanov Vs. Poema edy [Poem of Food]. Risunki, zastavki i knizhnye ukrasheniya O. Rakova. 4th ed. Harbin, 1928 (*Gun-Bao*), 27 p. (in Russ.)

Kapitan Kuk (Loginov V. S.). Harbin v stikhakh (Bytovye kartinki) [Harbin in verse (Household pictures)]. Harbin, 1932, 34 p. (in Russ.)

Keselman S. I. Steklyannye sny: Stikhi [Glass dreams, poems]. Comp., comment. by S. Z. Lushchik, O. O. M. Barkovskaya, E. M. Golubovsky, A. L. Yavorskaya. Odessa, VMV, 2013, 236 p. (in Russ.)

Khisamutdinov A. A. Loginov (pseudonimy Lingva, Kapitan Kuk), Vasili Stepanovich (28.VI.1891, Ekaterinburg Permskoi gubernii – do 1946, Kharbin)

[Loginov (pseudonyms *Lingua*, *Captain Cook*), Vasily Stepanovich (28.VI. 1891, Ekaterinburg, Perm province – until 1946, Harbin)]. In: Khisamutdinov A. A. Rossiiskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i Yuzhnoi Amerike [Russian Emigration in the Asia-Pacific Region and South America]. Bio-bibliographic Dictionary. Vladivostok, FESU Press, 2000, pp. 187–188. (in Russ.)

Kolesov A. V., Diao Shaokhua. Poety i prozaiki Kharbina: Russkaya zhurnalistika i khudozhestvennaya literatura v 20-kh godakh XX veka [Poets and Prose Writers of Harbin: Russian Journalism and Fiction in the 1920s]. *Rubezh* (Vladivostok), 2001, no. 1, pp. 90–101. (in Russ.)

Kurochkin V. S. Stikhotvoreniya. Stat'i. Fel'etony [Poems. Articles. Feuilletons]. Moscow, GIHL, 1957, 715 p. (in Russ.)

Loginov V. Koronoi zabven'ya uvenchan. Publ. by V. Leonidov. *Novaya yunost'* [New Youth], 2002, no. 5 (56), pp. 105–110. (in Russ.)

Loginov V. Maslenica [Balagan; Bliny; Trojka]. *Rubezh* [Frontier] (Harbin) ["Maslenichnyj rubezh"], 1930, no. 9 (110), February 22, pp. 2–3. (in Russ.)

Loginov V. Paskhal'naya lirika. *Gun-Bao* [Gong-Bao], 1931, no. 1327, April 12, p. 8. (in Russ.)

Loginov V. Pervyi nomer "Satirikona". *Gun-Bao* [Gong-Bao], 1931, no. 1336, April 24, p. 2. (in Russ.)

Loginov V. Proizvodstvennost' kak poeticheskii motiv. *Gun-Bao* [Gong-Bao] (Harbin), 1931, no. 1286, February 22, p. 2. (in Russ.)

Loginov V. S., Obukhov V. N. *Elene...* [For Helen...]. Ed. and comment. by Emmanuil Shtein. Orange, Antiquary, 1990, 46 p. (in Russ.) (Series "Knigi russkogo Kitaya", no. 6)

Loginov V. *Sibir'* [Siberia]. Harbin, Nauka, [1943], 171 p. (in Russ.)

Loginov V. *Stvora triptikha* [Set of Triptych]. Harbin, 1932, 49 p. (in Russ.)

Loshchilov I. E. Poeziia Vasiliia Loginova: kharbinskii otgolosok "Satirikona" [Poetry of Vasily Loginov: Harbin Echo of the "Satyricon"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, vol. 14, no. 12, pp. 3656–3660. (in Russ.)

Materialy k tvorcheskim biografiiam kharbinskikh literatorov: po strantsam emigrantskoi periodiki [Materials for the creative biographies of Harbin writers: through the pages of emigrant periodicals]. Comp., prep. and comment. by G. V. Efendieva. In: Zabiyako A. A., Efendieva G. V. (eds.). *Russkii Kharbin, zapечатlennyy v slove* [Russian Harbin, Embodied in the Word]. Collection of Sci. Works. Blagoveshchensk, 2012, iss. 5, pp. 226–266. (in Russ.)

Pasevich Z. V. Literaturnaia kritika na stranitsakh gazet “Russkogo Kharbina” [Literary criticism on the pages of the newspapers of “Russian Harbin”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 42–48. (in Russ.)

Pereleshin V. Poema bez predmeta [A poem without an object]. Holiok, New England Publishing & K^o, 1989, 411 p. (in Russ.)

Pereleshin V. Konets Alekseia Achaira [The End of Alexei Achair]. *Novoe russkoe slovo* (New York), 1972, vol. 62, no. 22.825, p. 5. (in Russ.)

Rachinskaya E. Zamolknuvshie golosa: O kharbinskikh poetakh [Silent Voices: About Harbin Poets]. *Novoe russkoe slovo* (New York), 1959, no. 16736, January 14, p. 2; no. 16737, January 15, p. 2; no. 16738, January 16, p. 2. (in Russ.)

Reznikova N. V russkom Kharbine [In Russian Harbin]. *Novyi zhurnal [The New Review]* (New York), 1988, vol. 172–173, pp. 385–394. (in Russ.)

Russkaia poeziia Kitaia: Antologiiia [Russian poetry of China: Anthology], sost. V. Kreid i O. Bakich. Moscow, Vremia, 2001. 720 p. (in Russ.)

Shtein E. A. Poety russkogo Kitaia (Ikonografiia) [Poets of Russian China (Iconography)]. *Novyi zhurnal* (New York), 1997, vol. 206, pp. 138–180. (in Russ.)

Slobodchikov V. A. O sud’be izgnannikov pechal’noi... Kharbin. Shankhai [The Sad Fate of Exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2005, 431 p. (in Russ.)

Tolstoy A. K. Complete collection of poems: In 2 vols. Leningrad, Sovetskii pisatel’, 1984, vol. 1, 640 p. (in Russ.)

Vasilev P. Tam, gde techet Irtysh. *Sovetskaja Sibir’* [Soviet Siberia] (Novosibirsk), 1927, no. 115 (2256), May 22, p. 3. (in Russ.)

Vyazemsky P. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel’, 1986, 544 p. (in Russ.)

Volin M. Gibel’ Molodoi Churaevki [The Death of Young Churaevka]. *Novyi zhurnal* (New York), 1997, vol. 209, pp. 216–240. (in Russ.)

Yakobson E. A. Persekaya granitsy: Revoliutsionnaya Rossiya – Kitai – Amerika [Crossing borders: From Revolutionary Russia to China to America], Trans. from Eng. and comment. by E. Yu. Dorman. Moscow, Russkii put’, 2004 (Krasnoarmeisk, NII Geodezii), 244 p. (in Russ.)

Yakobson Helene. Crossing borders: From Revolutionary Russia to China to America. Tenafly, Hermitage Publ., 1994, 211 p.

Информация об авторе

Игорь Евгеньевич Лоцилов, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K-8342-2013

Information about the Author

Igor E. Loshchilov, Candidate of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K-8342-2013

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023*